КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА, МАРТ 1926 г.

Цена 12 коп.

№ 11 (171)

Рис. В. Козлинского.

ЕВРОПЕЙСКОЕ «ЧОРТОВО КОЛЕСО» ИЛИ ПОРТФЕЛЬ БЕЗ МИНИСТРА.

Рис. Ю. Ганфа.

ВЕСНА ИДЕТ.

Тает...

Цветы совсем распустились..

Но кое-где еще не кончилось половодье.

МУСОР НА ПОСТРОЙКЕ.

На реке Сясь в Волховском уезде кипит работа: строят бумажную фабрику. Нелегкое это дело! Пока в виде лесов и подпорок вокруг строительства землекопы, каменщики, плотники, столяры, кузнецы, — муравейник рабочий. А над ним гордо высится краса и гордость всякой работы и всякого строительства — бухгалтерия!

Павел Ефимович Демичев служит в бухгалтерии и, может быть, не без основания считает себя одним из столпов, подпирающих молодой Сясьстрой. Такое мнение разделяет и жена Павла Ефимовича Елизавета Сергеевна, тем более, что главбух Коротков относился к Павлу Ефимовичу дружески, выговоров не делал и даже здоровался за руку.

Все было бы хорошо, но... Тулаев! Собственно говоря, Тулаев ничем особенным себя не проявлял, был даже незаметен скорее, но не для Демичевых:

— Подумаешь, приятность какая: в одной квартире с коммунистом жить! Что ни сделаешь, что ни скажешь, — все осудит! «Мещанство, мол, и отсталость». Не говорит он этого, положим, а все-таки чувствуется такое в нем.

Елизавета Сергеевна, поджимая тонкие губы, не раз принималась пилить своего Павлика:

—Неужели ты через Короткова не можешь ничего сделать? Житья ведь нет! Сегодня зашла ко мне Марья Антоновна, сидим, беседуем, а Тулаев безусловно иронически смотрит, мимо ходит. Я уж и то не выдержала, спрашиваю: «Что, товарищ, осуждаете, что мы не про Карлу Марксу разговариваем, а про кухню?». А он грубо так: «Нет, почему же?».

Павлик пыхтел, пыжился, был преувеличенно вежлив с Тулаевым, намекал Короткову, но ничего не выходило.

Демичевы сидели и обедали. В столовую вошел Тулаев и с ним старший милиционер строительства Кедров. Принесли с собой какой-то еды и (Демичевы злорадно переглянулись!) полбутылки водки. Сели на другой конец стола и, не обращая никакого внимания на Демичевых, стали обедать с той быстротой, с какой обедают люди, которым предстоит еще работа. Разговора не вели, глотнули по рюмке-другой, с'ели свои запасы.

— Кончил? — спросил Тулаев.

— Сейчас, жила попалась, не прожую никак! С кем ты сегодня стоял около конторы, — рыжая такая?

— Племянница главбуха. Вчера в конторе познакомился. Ну, готов?

— Идем!

Поперхнувшийся куском при упоминании о племяннице главбуха Демичев с уходом Кедрова и Тулаева некоторое время пробыл в полной неподвижности. Затем моргнул жене и убежденно сказал:

— Готово! Испекся!

Елизавета Сергеевна растянула губы ниточкой до ушей и хихикнула, поняв мысль Павла Ефимовича:

— Коммунист называется! А сам водку пьет и про Наденьку такие слова! Хорош! Еще при беспартийных!

Павел Ефимович взял большой лист бумаги, чернильницу, ручку, вставил новое перо «рондо» и красивейшим бухгалтерским почерком начал:

«Главному бухгалтеру Сясьского строительства т. Короткову:

«Настоящим честь имею довести до вашего сведения, что товарищ Тулаев, проживающий, несмотря на мои неоднократные просьбы, со мной в одной квартире, роняет высокое звание коммуниста и пятнает то красное знамя защитника трудящихся всего мира, которое ему, как члену партии, вручено волею рабочих, а также беднеющего и среднего крестьянства, а именно — пьянствует и развратничает в сообществе с таким же, как и он сам, позорным типом товарищем Кедровым. А кроме того, **Тулаев в пьяном виде выражался, что увезет вашу племянницу Надю, увезет воровским образом. Это может подтвердить моя жена Елизавета Сергеевна. Как родственника девицы Надежды, я, как гражданин, предупреждаю вас, а то он увезет ее без вашего разрешения, увезет ее человек, не подающий надежд, что он ее прокормит»...**

Тут Демичев всплакнул над горькой участью девицы Надежды, прочитал вслух свое послание жене и закончил так:

«Фамилии моей прошу не оглашать, а то Тулаев и его собутыльники могут мне отомстить. К сему — Павел Демичев».

Главбух впал в панику: и Наденьку жалко, и вообще страшно. Однако, уповая на свое значение и вес в обществе, на донесении Демичева написал:

«Коменданту Сясьстроя тов. Пиджакову. Прошу по сему расследования и принятия соответствующих мер. Коротков».

Дальше пошла писать губерния.

«Оторгу коллектива тов. Пронскому. Прошу принять решительные меры. Член ВКП(б) Пиджаков».

Оторг не хуже коменданта:

«Тов. Савельеву. Прилагая при сем материал по делу о члене партии Тулаеве и девице Надежде прошу расследовать. Пронский».

. . . .

Произвел ли «расследование» тов. Савельев, — нам неизвестно.

Успокоился ли главбух Коротков, достиг ли своей цели Демичев с супругой Елизаветой—тоже не знаем, как не знаем и судьбы девицы Надежды.

К сожалению, не знаем и того воздействия, какое оказал Волховской Уком ВКП(б) на т. т. Пиджакова и Пронского.

А любопытно!

Вл. Павлов.

СТИХИ О ВЕСНЕ.

Человек в клетчатой кепке и роговых очках свирепо уставился на Нину Веселкину.

— Вы ко мне, товарищ?

— Да... Я тут стихотворение одно сдавала. «Весна» называется...

— Зайдите, товарищ, недельки через две.

— Да я уж третий раз захожу недельки через две...

Человек в роговых очках поморщился и принялся рыться в какой-то папке.

— Как ваша фамилия? Веселкина? У нас тут так много разных «Весен», что сам чорт ногу сломит. Это—ваше? Нет?

— Да... да... Мое.

Человек в роговых очках прочел скороговоркой, как на клиросе, Нинино стихотворение и отложил его в сторону:

— М-да! Не подходит нам это стихотворение! Не годится.

Нина покраснела и заморгала глазами:

— Почему?

— Не подходит! Идеологии определенной не чувствуется. И вообще... Так, что-то такое. Трень-брень. Разве так теперь пишут? Вы сами-то кто?

— Я на рабфаке работаю.

— Ну вот! Рабфаковка, а пишет чорт знает что! Присядьте на минуточку. Я вам сейчас покажу, как надо писать. Если вы рабфаковка, вы должны писать так:

ВЕСНА.

Солнце вверху, как партбилет,
Солнце буденовкой колется.
Солнцу сегодня шестнадцать лет,
Солнце—портрет комсомольца.
Весна. В лазурный райком бегу.
Спустить это солнце вниз бы
И пить с раскаленных солнечных губ
Азбуку коммунизма.

— Вот! Это, действительно, рабфаковское стихотворение. Тут есть и молодость и современность. И все, что хотите. Но все равно, нам такое стихотворение не подошло бы. Такое стихотворение годится для комсомольского журнала, для сборника — но не для нас. У нас рабочий журнал. Понимаете—рабочий. И нам нужны стихи городские, крепкие, как сталь. Заводские. Например, так:

ВЕСНА.

Сердца котел дал течь.
Я, как фабзаяц, молод.
Солнце—доменная печь,
А весна—паровой молот.

Талый снег, как руда,
Сплавом течет из леса.
Весна—охрана труда,
А солнце—великий слесарь.

Рис. К. Е.

— Тише храпите, товарищ! Вы мешаете мне делать доклад.

— Понимаете? Но вам, конечно, сразу не уловить городских заводских ритмов. У вас стихи еще робкие, примитивные, простые. Вам нужно попробовать себя скорей на крестьянской поэзии. Напишите что-нибудь такое черноземное и вместе с тем связанное с сегодняшним днем. Ну так, что ли:

ВЕСНА.

Приходи скорей, весна,
Я отсеял семена,
Был сегодня в поле я,
Сделал многополие.

Я Машуху полюбил
В позапрошлый вторник
И в Сельмаше я купил
Куколеотборник.

— Понимаете, в чем дело? Теперь, так как вы женщина, вы можете попробовать и в каком-нибудь массовом женском журнале. Но там опять нужен особый подход. Вы пишете так:

ВЕСНА.

Солнца весеннего нити
Ткут на земле цветы.
Буду обедать в Нарпите,
Брошу стоять у плиты.
Птичьи напевы так звонки,
И зеленеет сад.
Брошу горшки и пеленки
И побегу на доклад.

— И, наконец, еще один совет. Вы можете попробовать свои силы в детском журнале. Это самое для вас подходящее. Все женщины-поэтессы сотрудничают в детских журналах. Тогда опять нужно найти подходящую форму и содержание. Для детского журнала надо писать примерно, так:

Пионер бежит, хохочет,
Он набрал себе цветов
И кричит: «За власть рабочих
Я стоять всегда готов!».

Тут же рядом два юнкора,
Громко радуясь весне,
Прикрепили очень скоро
Стенгазету на сосне.

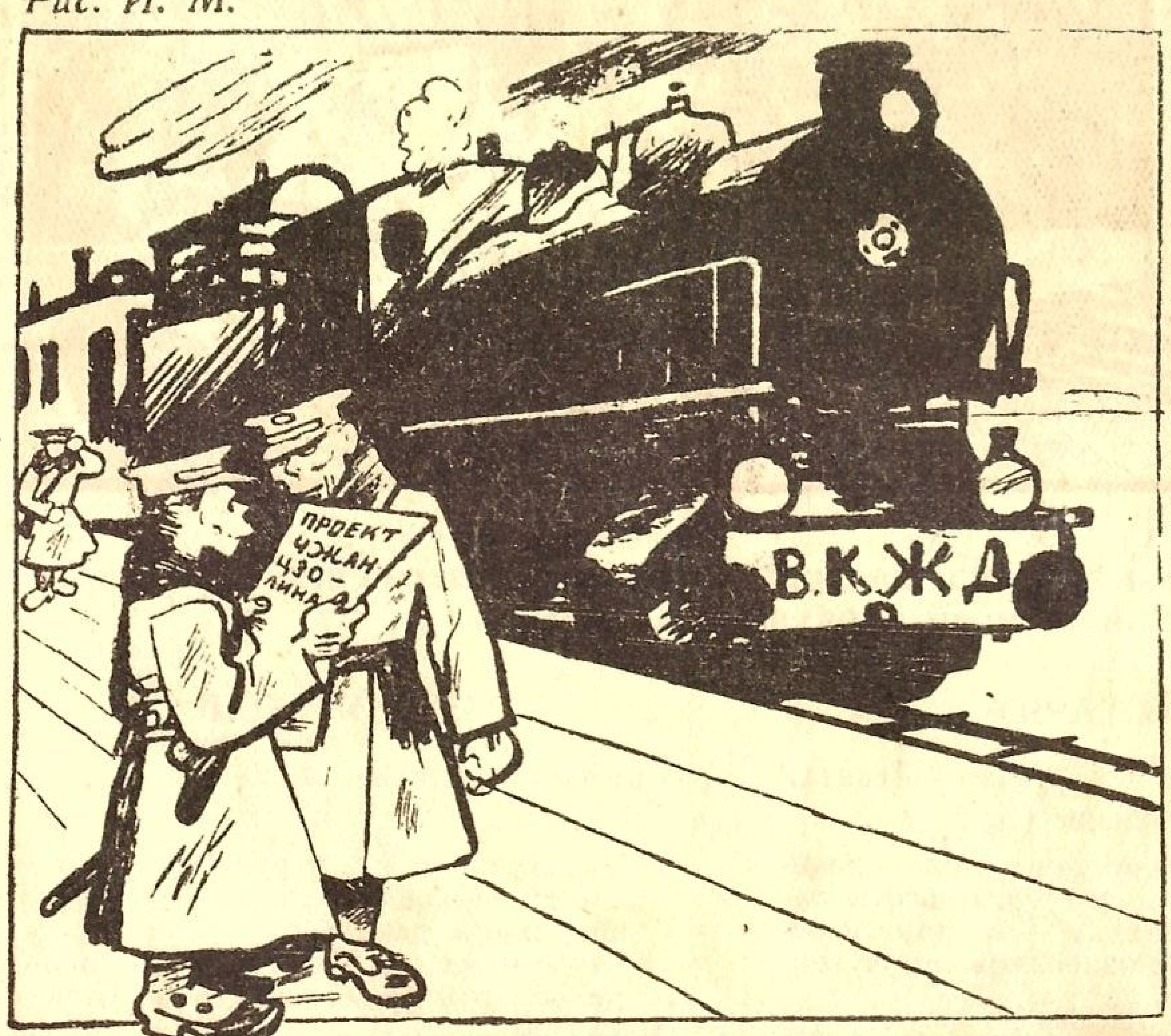
— Ну, вот! Поняли?

И человек в роговых очках свирепо, взглянув на часы, рванул трубку телефона и кивнул Нине Веселкиной, давая этим понять, что аудиенция окончена.

Вас. Лебедев-Кумач.

НАПРАСНЫЕ МЕЧТЫ.

Рис. И. М.

— Хорошо бы, если бы линия Восточно-Китайской ж. д. стала Чжан-Цзо-Линией!

Рис. Ю. Ганфа.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ АЛИМЕНТОВ.

— **Ну, милый сын, сегодня тебе исполнилось 18 лет. От всей души поздравляю тебя с совершеннолетием... И зна стервец, что отныне я ни гроша не обязан тебе платить! Попил моей кровушки! Хватит!**

ОЖИВЛЕННАЯ ПРОФРАБОТА.

В минуту жизни трудную читал как-то «Крокодил» «Информационную сводку» (есть и такая литература) Казакского сов. профсоюзов и в ней вычитал:

Правление Ташказакского уездного отделения Всеработземлеса на одном из заседаний рассмотрело 86 вопросов.

86 вопросов рассмотрели, а самый важный забыли — это вопрос о чистке профорганизаций от бюрократов. А жаль!

ЛЬГОТЫ КУСТАРЯМ.

В пензенской газете «Трудовая Правда» имеется следующее сообщение:

«Опубликовано постановление правительства, коим предоставлены льготы кустарям и ремесленникам — кустари и ремесленники своими изделиями могут торговать бесплатно».

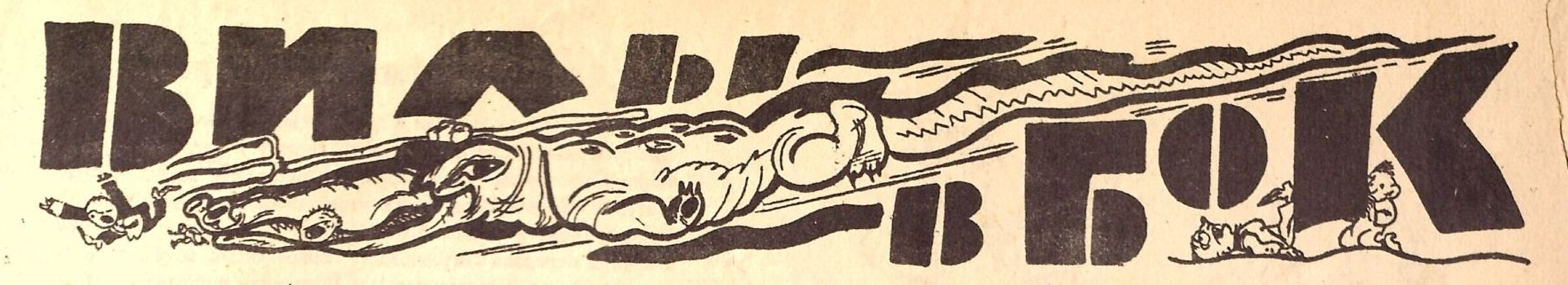
Наверно, сотруднику, написавшему эту заметку, тоже предоставлены льготные условия работы в редакции писать бесплатн, — иначе эта заметка не была бы напечатана

ПОМНИ ДЕНЬ.

С рабочих завода им. В. И. Ленина в С ве:

«регулярно с 1 апреля 1925 г. уд вается из зарплаты за два часа в с ние дни в разрез со 113 ст. Код труде и несмотря на то, что в колд ре об этом не упомянуто ни слов

Правильно сказано в заповеди: помн субботний. Рабочим завода в Саратове эт особенно памятен и дорог—по вычета роже всех других дней недели обходи

НЕ ПО НОСУ ТАБАК.

На складе Лебяжьевской конторы потребсоюза (ст. Лебяжья, Омской жел. дор.) под навесом валяется 2.600 пудов листового табаку, имеющего 60—70 проц. влажности. Весной этот табак сам по себе весь сгорит, а затрачено на него 9.000 рублей. Виновник табачного дела—управляющий конторой Н. Кривоногов.

Когда у человека рыльце в пушку, — плохо ему бывает, то-есть не рыльцу, конечно, а человеку. А ежели у него нос в табаке, — лучше это или хуже?

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

В камере вещественных доказательств при стародубской угормилиции, Гомельской губернии, еще с 1923 года хранятся 45 пудов ржи — вещественные доказательства по делу о даче взятки Свистуновым и Кухаренкой. Дело это прекращено, а о судьбе ржи никакого постановления нет и ее уничтожают крысы.

Конечно, нельзя обвинять крыс в том, что они дали взятку угормилиции. Не взяткой тут пахнет, а чем-то иным, но тоже наказуемым. Пусть особая комиссия при гомельском губсуде разнюхает.

СОДРУЖЕСТВО ЛОБОТРЯСОВ.

Оказывается, и вокруг детской беспризорности повеселиться можно. В газете «Наш Край» (В. Волочек) мы нашли такую заметку:

«На-днях было собрание О-ва Друзей Детей ф-ки «Парижская Коммуна». Благодаря неправильному подходу к делу инициатора Гельмана, собрание превратилось в сплошную бузу... В президиум, ради смеха, были выбраны от'явленные бузотеры. Голосование проходило под сплошной хохот аудитории. На протест зав. клубом о ненормальности, президиум бежал, оставив свои места пустыми...

А. Заборовский».

Не про вышневолоцких ли «друзей» говорится в старой русской поговорке: «Дай бог недруга, да умного; а друг, да дурак — наплачешься с ним».

НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА.

На отношение фининспектора Мотовилихинского района с напоминанием об уплате штрафа, наложенного Окрфинотделом за невыборку Мотовилихинским риком патентов на принадлежащие ему предприятия, председатель рика наложил резолюцию: «отменить».

Вот это называется власть на местах, но **не на месте.**

ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ ИСКУССТВА.

Рабочие Курганской государственной хладобойни жалуются на Государственное Военное издательство: еще в июне месяце 1925 года проезжал по СССР вояжер издательства и принимал подписку на 21 альбом гражданской войны. Рабочие внесли задаток по 3 руб. за каждый альбом и до сих пор не получили ни одного альбома. Писали два раза рабочие в Военное издательство, но оно даже не потрудилось им ответить. Деньги рабочими внесены по квитанции № 4375, от 29 июня 1925 г.

Военное издательство действует по всем правилам военной науки: сначала оно произвело атаку на рабочие карманы, затем отошло в глубокий тыл и, в конце концов, «пропало без вести».

О МАСШТАБАХ.

На Курловском стеклозаводе, Рязанской губернии, служащий кооператива Панков не желает разговаривать с рабочими, если они приходят в кооператив просить иголок или пуговицу, и говорит: «Не стоит с вами из-за такой мелочи разговаривать».

Панков — человек большого масштаба. Ему бы нужно было председателем Центросоюза быть, крупными делами ворочать, но, представьте, какая несправедливость, на его месте Хинчук сидит. Какой человек зря пропадает!

С БОЛЬШИМ РАЗМАХОМ.

В городе Надеждинске на металлургическом заводе имеется строительный отдел, начальником которого состоит П. Ф. Размахнин. Не говоря уже о том, что штат обслуживающего персонала (служащих) слишком велик по отношению к количеству рабочих, там налицо всякого рода беспорядки: заявления рабочих о ремонте квартир лежат долгое время безрезультатно, а ремонт квартир инженеров и заведующих производится вне всякой очереди. Был дан заказ «выварить клопов из кровати инженера Вавилова в срочном порядке», и это исполняла работница строительного отдела.

Уж очень размахивается — этот самый Размахнин. Но бывает так: размахнешься и ударишь сгоряча по железной кровати, да еще с клопами. Очень это больно выходит. Не размахивайтесь, товарищ, одним словом.

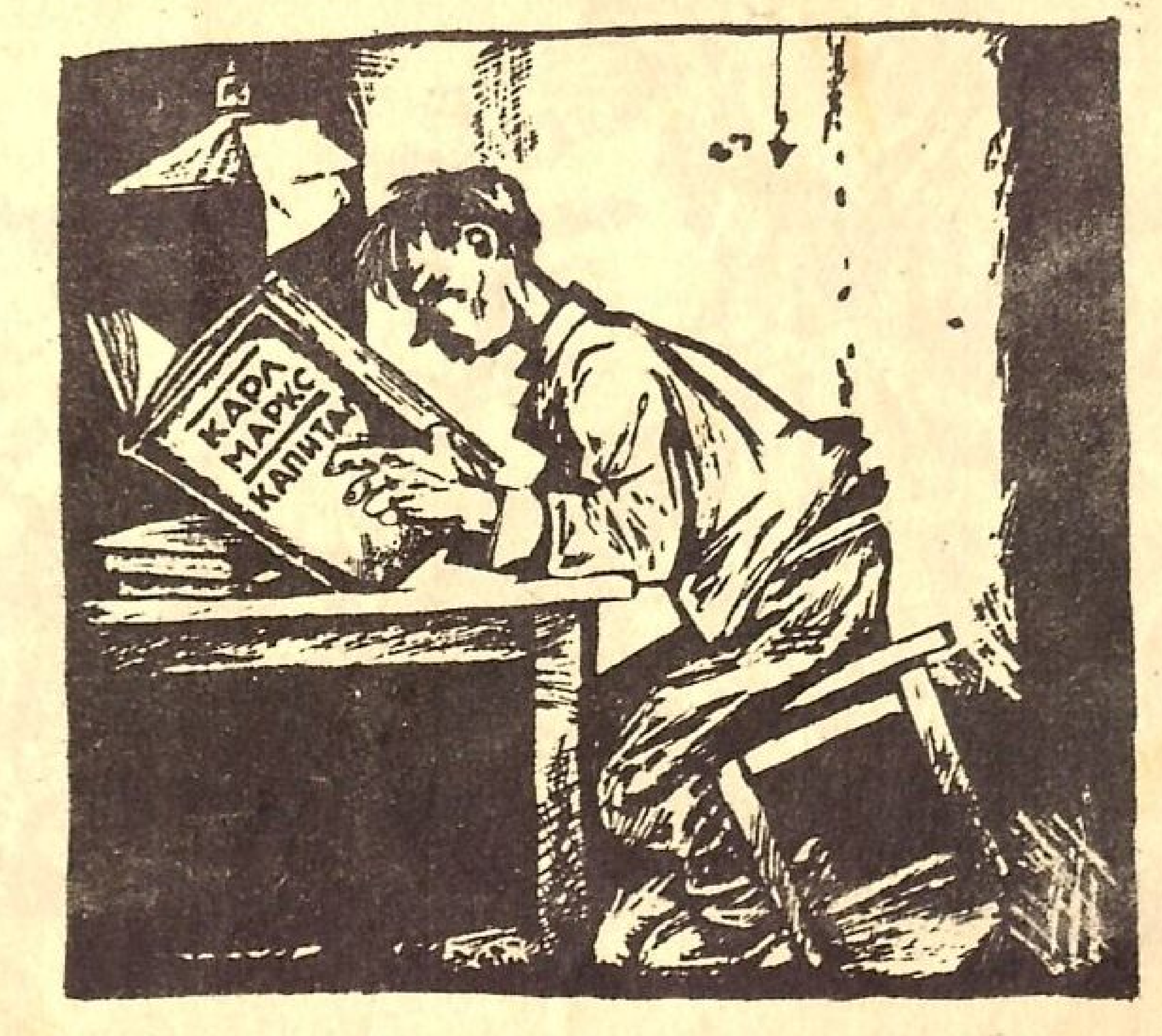
ЖЕРТВА ГОНОРАРНАЯ.

В «Известиях» напечатана такая телеграмма от собственного харьковского корреспондента:

В Харькове проживает 70-летняя старушка Филонова, внучка декабриста Рылеева. Она помнит своего деда-революционера.

Если бы собственный корреспондент «Известий» читал газеты, то он узнал бы, что совсем недавно было столетие со времени восстания декабристов и что Рылеев казнен 13 июля 1826 года, так что Филоновой, которая могла родиться в лучшем случае только в 1855 году, помнить своего деда не представляется возможным. Зачем набрасывать тень на внучку декабриста? Ведь теперь про нее могут сказать: «Врет Филонова, как собственный корреспондент «Известий». Нехорошо!

Рис. М. Х.

Вузник „Капитала“.

(К МОПР'у никакого отношения не имеет).

НАУЧНАЯ ТЕТРАДЬ.

На тетрадках Ленгиза имеется следующее определение метра, предназначенное, очевидно, для детей или малограмотных:

«Метр есть расстояние при температуре тающего льда между осями двух черт, нанесенных на платиноиридиевом стержне».

Интересно знать, на каком стержне обитает голова писавшего эти строки, какова была ее (головы) температура в то время и на каком расстоянии она находилась от здравого смысла.

КТО БОЛЬШЕ.

Судебный исполнитель при главном суде Авт. Чув. Соц. Сов. Республики об'являет, что в Чебоксарах:

«20 февраля 1926 г. в помещении пивной бывш. «Дай взайду», будет продаваться имущество с публичного торга, в том числе:

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЯ.	Сумма.
27	В кассе наличными деньгами .	25 р. 80 к.

«Крокодил» хотел бы получить дополнительные сведения, с какой суммы имущество, означенное под номером 27, пошло с торгов и с какой надбавкой было продано счастливому соискателю.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ.

«Беднота» сообщает такое успокоительное известие:

...Тресты дадут 2.915.000 штук вил. Если Гомза даст 2.600.000 штук, то к началу кампании недостатка в вилах не будет.

А мы боимся, что 5 миллионов вил нам на СССР нехватит. Посчитайте-ка, сколько у нас пьяниц, воров, держиморд, комчванов, волокитчиков, хулиганов, взяточников, прогульщиков и тому подобной прелести. Если каждому дать по виле в бок — сколько миллионов этих вил потребуется? Не пять, а пятью пять! То-то и оно!

ХРОНИЧЕСКОЕ ВРАНЬЕ.

По нашим газетам за последнее время прошло какое-то поветрие вранья в хроникерских заметках. Из Рязани пишут:

В нашем «Рабочем Крае» недавно появились две заметки о собрании железнодорожников, при чем обе заметки противоположны друг другу по содержанию, а вторая, подписанная псевдонимом «Гвоздь»—сплошной вымысел.

За такими гвоздями надо смотреть в оба. Хотя пословица и говорит: «Гвоздем моря не нагреешь», но газету-то, оказывается, нагреть «Гвоздем» можно.

ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК.

Из адреса, преподнесенного Актюбинским Губотделом союза пищевиков тов. Сазонову:

«Твоя работа, товарищ Сазонов, по заключению колдоговоров с администрацией навсегда останется памятником нерукотворным. Ты, товарищ Сазонов, всегда помнил о рабочих, как с научно-статистической стороны, так и нагрузки, чем бил подчас кривотолкующую администрацию, идущую в противовес распоряжениям центральной власти СССР».

Гм... Гм... Памятник, действительно, нерукотворный... Если уже дальше по поэту, то тов Сазонов:

«Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа».

Еще бы. Бить кривотолкующую администрацию, — такому столпу как не вознестись.

Рис. Ю. Г.

ФОТОГРАФ: — Чрезвычайно трудно вас как следует посадить Полчаса стараюсь!
СПЕКУЛЯНТ: — Другие и больше старались, да не удалось.

С ДУШЕВНЫМ ПРИСКОРБИЕМ.

На заводе им. Рыкова в г. Енакиево, Артемовского округа, Донецкой губернии, освободившуюся комнату в квартире, занимаемой рабочим Сафоновым, на которую он имеет все права, передали заместителю технического бухгалтера Литовченко, у которого квартира больше, чем у Сафонова. В ответ на вопрос Сафонова, почему квартира передана Литовченко, управляющий комбинатом сказал, что Литовченко спец и получает по 13 разряду и потому квартира остается за ним.

Страшно даже подумать, что управ. комбинатом, получающий по 17 разряду плюс нагрузка, должен находиться в жалком директорском кабинете, в одной несчастной комнатке. Если бы он был в Москве, мы предоставили бы ему соответствующую чину площадь: Каланчевскую или Свердловскую — на выбор.

НЕ ГОРЮЙТЕ, ТОВАРИЩИ!

Отделение связи г. Акбасара, Акмолинской губернии, в связи с переименованием губернских почтовых контор в окружные, оказалось в очень тяжелом положении в отношении снабжения канцелярскими принадлежностями. Нехватает карандашей, ни бланков описей, ни других канцелярских принадлежностей. В связи с этим, сильно хромает правильная постановка производства почтовых операций.

А вот у нас, в Москве, другое горе. Карандашей сколько угодно, но все Мосполиграфа. Так что не горюйте, товарищи почтовики. С карандашами что без карандашей. Один толк!

КАРТОФЕЛЬ В МУНДИРЕ.

Имеется сельхоз при Ободовском сахарном заводе. В 1925 году было собрано 1.212 пудов картофеля, который был свезен весь в погреб и, благодаря неумелому хранению, под влиянием морозов и оттепелей, весь сгнил и продается сейчас за безценок.

Жаль, что администрация завода не поддается влиянию морозов и оттепелей. Даром уступили бы

КАНДИДАТ В КАНДИДАТЫ.

В сталинградском налоговом управлении служит заведующим Хаит, Александр Григорьевич. Он на всех орет и называет молокососами, посылая одновременно к чорту. Несмотря на то, что в клубе губфинотдела имеется заведующий, Хаит ворвался недавно в клуб и разогнал репетицию живой газеты, которая, по некоторым соображениям, была ему не по вкусу. Когда служащие просили местком призвать Хаита к порядку, то там заявили, что они сами боятся Хаита.

Ну, уж если сам местком боится Хаита, то куда нам, грешным! Мы тоже боимся, тов. Хаит, ... за вашу будущность.

КАК СЫР В МАСЛЕ.

Пишут про предзавкома госмаслозавода № 20, при станции Кононово:

На просьбу отпустить рабочих на выборы сельсовета он ответил, что это дело частное.

И еще сообщают про его любовные похождения. Опубликовывать их не будем, чтобы другим завидно не было... Но в общем предзавком там, по сведениям, живет весело и катается, как сыр в госмасле.

НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ.

Сообщают из 106 стрелкового полка:

— Получили отчет Усть-Сосновского рика, присланный для ознакомления полка с положением дел и работой рика. И вот что там пишут:

В области административной деятельно значится: зарегистрировано браков — 95, разводов — 21, небрачных зачатий — 3. В области ветеринарного дела проведена выставка крупного рогатого скота. Представлено 83 головы, из них коров — 34, быков — 17, телят — 30, один гусь и один баран».

Вот товарищи красноармейцы, недоумевая, спрашивают «Крокодила»: что такое внебрачное зачатие и как попал гусь в счет крупного рогатого скота?

Ничего удивительного тут нет. Иногда «гусь» не только в рубрику крупного рогатого скота попадает, но и в рик... например, Усть-Сосновский.

ВЕСЕЛОЕ ЗАНЯТИЕ.

Часто наши дорогие корреспонденты зря жалуются. Вот один очень симпатичный рабкор умоляет, — всадите вилы в бок тов. Мятович за то, что она, будучи библиотекаршей центрального рабочего клуба, в книге заявлений читателей дает такие ответы:

«Тов. Мятович, видно, что вы перегружаете своих женщин-библиотекарш, которые под вашим настойчивым характером потеряли свой вид на 50 процентов. Скоро их мужья пред'явят протест». Это вопрос, — а вот ответ: «У них мужей нет, а, значит, и протеста ждать не от кого, а работать надо». Или вот:

«Почему в читальне не топят?»... «Пораскиньте немного мозгами и ответ найдете сами».

Пораскинул «Крокодил» мозгами и решил — зря женщине бок или там прическу портить не намерен. Жаль Мятович, может быть, единственная у нее и радость в жизни — вот такая милая переписка с читателями. И вы, наш дорогой корреспондент, пожалейте ее и простите. Пусть она наслаждается!

МЕРТВЫЕ ДУШИ.

Сообщают из Костромы:

«В прошлые перевыборы горсоветов от союза пищевиков вошел рабочий масло-крупяного завода, тов. Коточигов. 7 месяцев тому назад он умер, а избирательная комиссия, не зная этого, назначает его докладчиком по перевыборной кампании».

И правильно: мертвые сраму не имут, живому же о деятельности такой избирательной комиссии докладывать, пожалуй, зазорно!

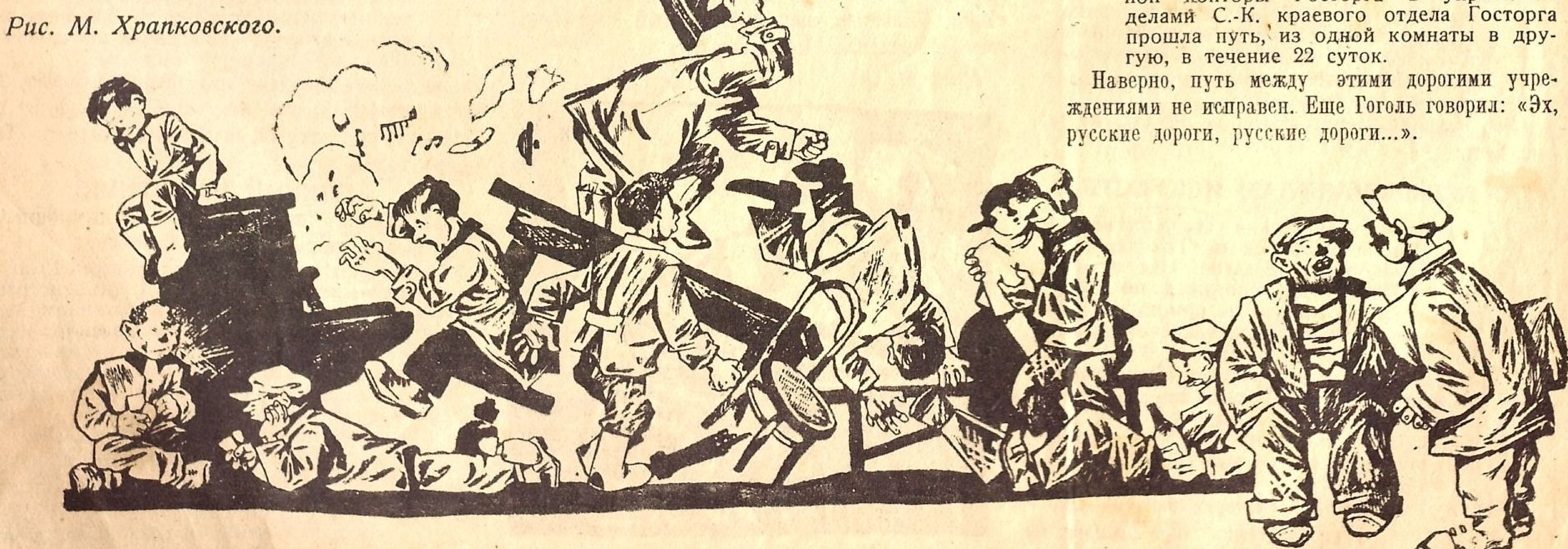
РЕКОРД БЫСТРОТЫ.

Сообщают из Ростова-на-Дону:

Служебная записка из рыбо-экспортной конторы Госторга в управление делами С.-К. краевого отдела Госторга прошла путь, из одной комнаты в другую, в течение 22 суток.

Наверно, путь между этими дорогими учреждениями не исправен. Еще Гоголь говорил: «Эх, русские дороги, русские дороги...».

Рис. М. Храпковского.

ИНСТРУКТОР: — Скажите, а взрослые у вас в клубе бывают?
ЗАВКЛУБОМ: — Заходил тут один в позапрошлый вторник, да больше не показывается. Голову ему, кажется, тут оторвали

КАМНИ ПОДВОДНЫЕ.

По морю бурному, волной взлохмаченному, плывет кораблик. Кораблик идет с развальцем, как утка по земле, и трещит оснастка, что колесо несмазанное. Плывет кораблик и никому, кроме зоркого капитана, невдомек, что под корабликом, под волной ходячей притаились кабаньи клыки камней подводных.

Никому невдомек, а капитану — вдомек, но уж коли итти в-открытую, то капитан — не капитан вовсе, а редактор, кораблик — не кораблик, а провинциальная газета, и море не столько море, как таковое, сколько море житейское в окружном масштабе.

Так вот — сидит капитан-редактор у «кормила правления», и приходит к нему автор, тихий, робкий человек, тихий и пришибленный, как все провинциальные авторы.

Принес автор рассказик хотя и с романтической подкладочкой, но и не без «идеологии», выражаясь по-современному. Редактор—волк старый, стреляный; он сразу одним глазком прикинул, что доставленный материалец—даровой: автор-то уж больно неказистый, церемониться с ним в смысле гонораров особо не приходится, а печатнуть бесплатно всегда можно. Беллетристика — не Чемберлен и не Чжан-Цзо-Лин, печатать ее можно вне злобы дня и вне телеграфных сообщений об очередных подлостях.

Автор — тихий, утлый, как челночек, собравший в морщинку свой парус:

— Что-й-то капитан-редактор скажет?

И уже почти-что выговорилось у редактора косенькое, как резолюция, словечко:

— В набор!..

... Но не выговорилось...

Опытный глаз капитана увидел мутно-зеленые клыки подводных камней. Закачал редактор головой над рукописью:

— Ба-ба... братец... ты мой... вот они — рифики... вот они подводные-то камушки...

— Где? — подавился вопросом автор.

— Да вот же... вот... во-от...

И палец «морского волка» бегает по рукописи:

— Вот... «Товарищ Грымза, весело насвистывая вальс и отбивая такт кооперативными (идеология!) калошами, встретил на улице товарища Соколова, который, основательно будучи «под шефе», обрадовался несказанно Грымзе и даже пьяно облобызал его. Оба тут же направились к общей знакомке Румянцевой, которая занята была в этот момент интимной беседой с товарищем Николенко»... Вот и те-те-те, братец мой,—да ведь тут—сплошной риф... да ведь... товарищ Грымза — это наш же секретарь райкома, Соколов—в Совнархозе работает, а мадам Румянцева — жена окрпрофа, и ежели сам Румянцев узнает про проделочки Николенки, то не сдобровать твоему Николенке: не посмотрит, что Николенко первое лицо в правлении Церабкоопа... Румянцев парень—такой... ого-го-го...

— Но, товарищ редактор, это ж не всамделишные фамилии, это, извините, плод художественного воображения...

— Уж не знаю, братец, не знаю насчет плода, только никто ни тебе, ни мне не поверит насчет воображения... Кой тут к чорту! Воображение... Вот и дальше у тебя... Эх! ... «Товарищ Соколов танцовал с Коркиной до утра, подмышками у него было потно, каблуки сбились и в сердце пойманной птичкой колотилась любовь к Коркиной»... Что ж, и это скажешь воображение? Ха-арошенькое воображение! Ведь это в натуре Соколов из Совнархоза, живой Соколов! Эх... Только-что и не упомянута Нюточка Смолярова, первое его обоже, еще до Коркиной... Эх ты, воображатель... С таким твоим воображением враз в «каку» попадешь...

— А если, — листом осенним, придавленным сапогом, зашуршал автор, — если фамилии заменить?

Но редактор в ответ только загрохотал:

— Фамилии заменить? Чудак... чудак ты, братец, но характеры го, но поступочки-то в натуре останутся... По ним враз всех распознать можно... Чу-удак... право... Эх ты-ы!

. . . .

По морю бурному, волной взлохмаченному, плывет кораблик — не кораблик — газета провинциальная. На кораблике — волк старый, морской — капитан-редактор...

... Много рифов уготовано для кораблика в житейском море окружного масштаба... Что ни шаг, то подводный камушек...

Л. Митницкий.

Рис. К. Елисеева. **ЧУДЕСНАЯ ЗАПИСКА.**

ПОСРЕДНИК: — Что? Не принимает? Подождите, я записочку напишу. Миша, дай-ка бумажку.

КУРЬЕР: — Пожалуйста! Заведующий очень рад вас видеть!

ПРИМ. „КРОКОДИЛА". Читатель, ты, вероятно, удивлен, почему так подействовала такая простая записка. Посмотри, что напечатано на ее оборотной стороне и ты увидишь, в чем ее чудесная сила.

В КОРЕНЬ И ПОД.

Рабочий изобретатель часто ходит без сапог, ибо ему легче изобрести семиверстные сапоги, чем простые.

Свинья в апельсинах прекрасно понимает толк: ей приходится их есть гораздо чаще, чем честным труженикам.

И в сто свечей лампочка не сделает темную личность светлой.

Кто спит на пуховых подушках, у того часто бывает рыльце в пуху.

Победителей судят и даже заставляют их платить алименты.

Писаных красавиц больше, чем неписаных.

У нас мало ситца, зато много материи скучной.

Канцеляристы всегда вежливы и предупредительны перед сокращением.

Сам.

НЕ ПОВЕЗЛО.

Сергей Петрович Колобов очень любит в бане мыться. Нынче это — не в 19-м году. Нынче, когда хошь, иди и мойся,—и все равно, ответственный ты или беспартийный,—воды лей, на полке валяйся. Никто тебе и худого слова не скажет. Пожалуйста, сделай одолжение. Вот Сергей Петрович и пользовался благоприятным временем. И один раз в два месяца аккуратно ходил в баню. Больше всего ему нравилось лежать на полке, жмурить глаза от жары и мечтать или, как он выражался, «подводить итоги»...

— За квартиру заплачено... На службе мною довольны... Но почему-то вот уже четвертый год в 11 разряде прозябаю?.. Ежели получить 15-й плюс 25 процентов нагрузки, — вот это да. Тогда, пожалуй, можно будет ходить в баню раз в месяц... Когда умрет тов. Финогенов, кого назначат на его место? По-моему, два кандидата—Петряков и я... Но Петряков тоже может умереть... У Финогенова уже пятый день температура 39, но Петряков—этот здоровый...

Любит мечтать Сергей Петрович и жмурить глаза от жары и блаженства. И вот однажды, замечтавшись в доску, видит—на полку поднимается Петр Алексеевич Дементьев, председатель того учреждения, где служил тов. Колобов.

Сергей Петрович враз вскочил:

— Мое почтение вам, тов. Дементьев, и вы изволили притти!

— Здрасте, здрасте, тов. старший делопроизвод... Давненько я не мылся. Вот уже скоро два года. Как переехал в ваш город, с тех пор все некогда—заседания, третье, десятое.

Оборотная сторона записки (см. стр. 7-ю).

— Еще бы, еще бы при вашей работе. Разрешите вас веником?

— Так, так. Крепче, крепче. Бока, бока... вот это место... Блдарю, блдарю, так, так... Уф! Хорошо.

Через полчаса Колобов с мочалкой тер спину председателя, чистил коленные чашечки, как кухарка кастрюли, и мылил председателеву лысую голову.

— Вытяните ноженьку. Теперь ручку. Вот так. Не больно? Сильней? Можно сильней... Готово.

— А что же вы сами не моетесь, товарищ делопроизвод?

— Я обойдусь, мне—что. Я—не вы. У меня какие дела, в баню всегда сходить могу...

В предбаннике Сергей Петрович купил бутылку клюквенного квасу. «Полтинник,—решил он,—не разорюсь, а это всегда пригодится». И с удовольствием глядел, как председатель вылакал квас.

На улице Дементьев спросил:

— Вы куда, направо? А мне налево. Всего доброго. Спасибо за компанию. Теперь уж придется мыться в Костроме...

— Как в Костроме?

— А разве вы не слыхали? Меня в Кострому перебросили. А на мое место—Галкин. Завтра с вечерним тю-тю от вас.

— Ну? Как же так?—почти вскрикнул ошарашенный Сергей Петрович.

— Будьте здоровы. Счастливо оставаться.—И ушел.

— Какой же я дурак! Чистил его, на коленках ползал. Сам не вымылся, полтинник истратил. Какой же я дурак!

Но внутренний голос успокаивал.

— Не волнуйся. Не огорчайся. Еще, может, пригодится. Все-таки тов. Дементьев ответственный работник.

А другой, злой и беспощадный, дразнил:

— Я в баню сходить всегда смогу! Как же, сможешь, через два месяца, и то навряд-ли.

Б. Левин.

РАЗМЫШЛЕНИЯ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА.

Будучи от природы беспартийным, иногда позволял себе впадать по некоторым вопросам в ликвидаторское безверие. Но происходило это не столько от недоверчивости умственных способностей моих, сколько от недостаточных познаний в литературе. Ныне раскаиваюсь. И вот почему.

Несколько времени тому назад прочитал я в толстом журнале «Красная Новь» стишок «На караул», сочиненный Петром Орешиным.

Вот какие, между прочим, данные сообщает о себе вышеназванный автор, Орешин Петр:

„Аржаное знамя
По снегам равнин
Вольными руками
Понесу один.
Свистом молодецким,
Перезвоном крыл
Стороне советской
Подогрею пыл!"

Дочитав до сего восклицательного знака, я пришел в состояние полного душевного спокойствия. Исполать тебе, добрый молодец, ох ты, гой еси, Орешин Петр: уж ежели берешься ты за это дело, то советская сторона может считать себя обеспеченной ото всяких неприятностей! Полагаю даже, что теперь и ЦСУ не будет ошибаться в исчислениях, при подогретом-то пыле!

Но в то же время обуревают меня и некоторые неприятные размышления. Так, например: а вдруг Петр Орешин обидится за что-нибудь на советскую власть и перестанет перезвонными крылышками пыл наш подогревать. Или еще хуже: вдруг этакий соловей-разбойник перейдет в лагерь оппозиции?.. Что ж тогда будет-то? И на кого нам тогда уповать?..

Не могу также умолчать о некотором своем недоумении по поводу аржаного знамени. Льняное,—это бы еще так. Но о таком открытии науки и техники, чтобы изо ржи выделывать знамена, я, по невежеству своему, еще не слыхивал.

А впрочем, было время, когда я и о Петре Орешине не слыхал, и о роли перезвоннокрылой личности в истории имел превратные представления. Но понемножку дохожу до всего.

В том же толстом журнале «Красная Новь» заинтересовался, на ночь глядя, рецензией о «Библиотеке сатиры и юмора», издаваемой иждивением «Земли и Фабрики». Рецензия, принадлежащая перу Бориса Губера (должно быть, видный юморист и сатирик), написана умно и со знанием дела, как и подобает специалисту. Но я, таковым от природы не будучи, некоторых умственных тонкостей не понял, в чем и сознаюсь. Так, например:

«Несколько обиняком от всей библиотеки стоит сборник Аверченко»...

Разговаривать обиняком сумел бы, пожалуй, и я: особливо, ежели того требует щекотливость предмета обсуждений. Но **стоять обиняком,** хоть убей, не смогу: нехватает на это у меня знания русского языка.

Не каждому, впрочем, дадено. Я и не жалуюсь.

* * *

Наслаждаясь литературой и критикой, часть своих досугов я уделяю и чтению ежедневных газет. Без этого нельзя быть в курсе событий..

В феврале текущего года в Москве разразилось такое событие: душевно-больной застрелил двух врачей Селиверстовской больницы, а третьего ранил. Московские газеты осветили событие, а также отметили и похороны жертв. В одной газете описание похорон отличалось скромностью:

«Вчера состоялись похороны Майзеля и Мельчарского. Проводить прах безвременно погибших врачей **пришли их немногие друзья и знакомые»...**

В другой газете описание было торжественно и пышно:

«Вчера утром состоялись похороны трагически погибших врачей Майзеля и Мельчарского... **За гробом следовала тысячная толпа»...**

Какими были самые похороны: торжественными или скромными, — лично мне неизвестно. Ни в числе немногих знакомых, ни в числе тысячной толпы я на похоронах не был.

Да и зачем? Праздное любопытство!.. Подождешь денек — и прочтешь обо всем, со всеми подробностями, в газетах.

Октябрев Савелий.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЧУДЕСА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

Рис. К. Ротова.

ЧУДЕСНЫЙ УЛОВ РЫБЫ (в столовой Нарпита).

ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОДЫ В ВИНО.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ
(после кратковременной отсидки).

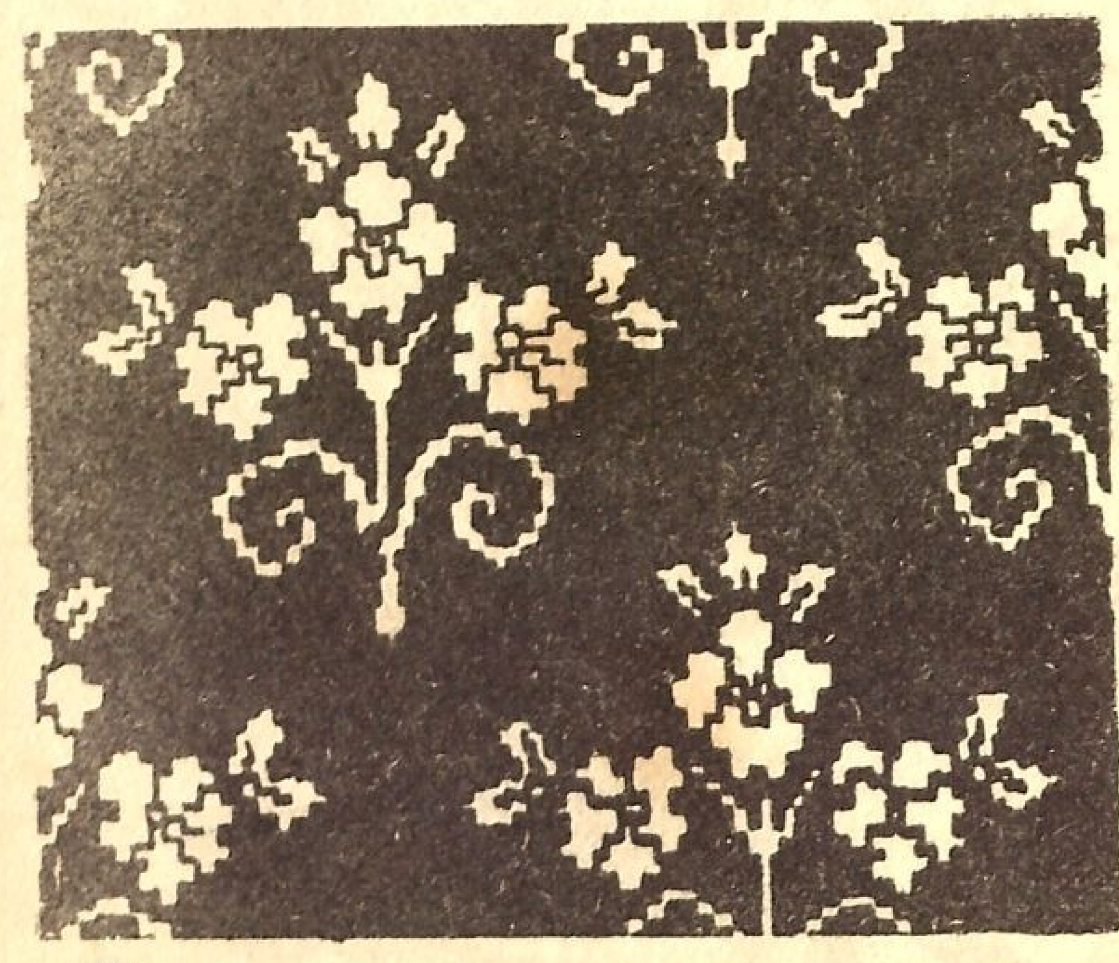
ИЗГНАНИЕ ДУХА НАЛОЖЕНИЕМ РУК.

НЕ ТОТ РИСУНОК.

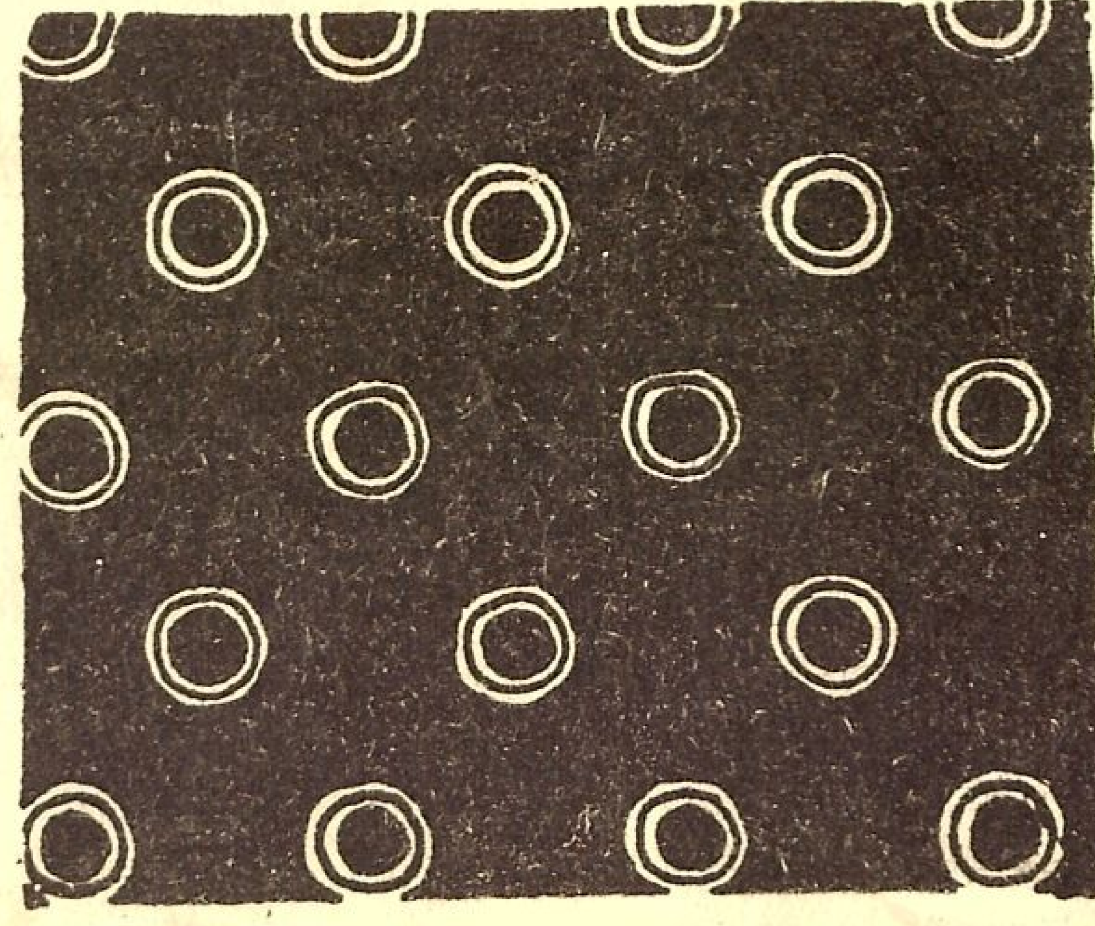
Рис. К. Елисеева.

Часть мануфактуры, закупленной за границей, оказалась гнилой (*„Правда"*)

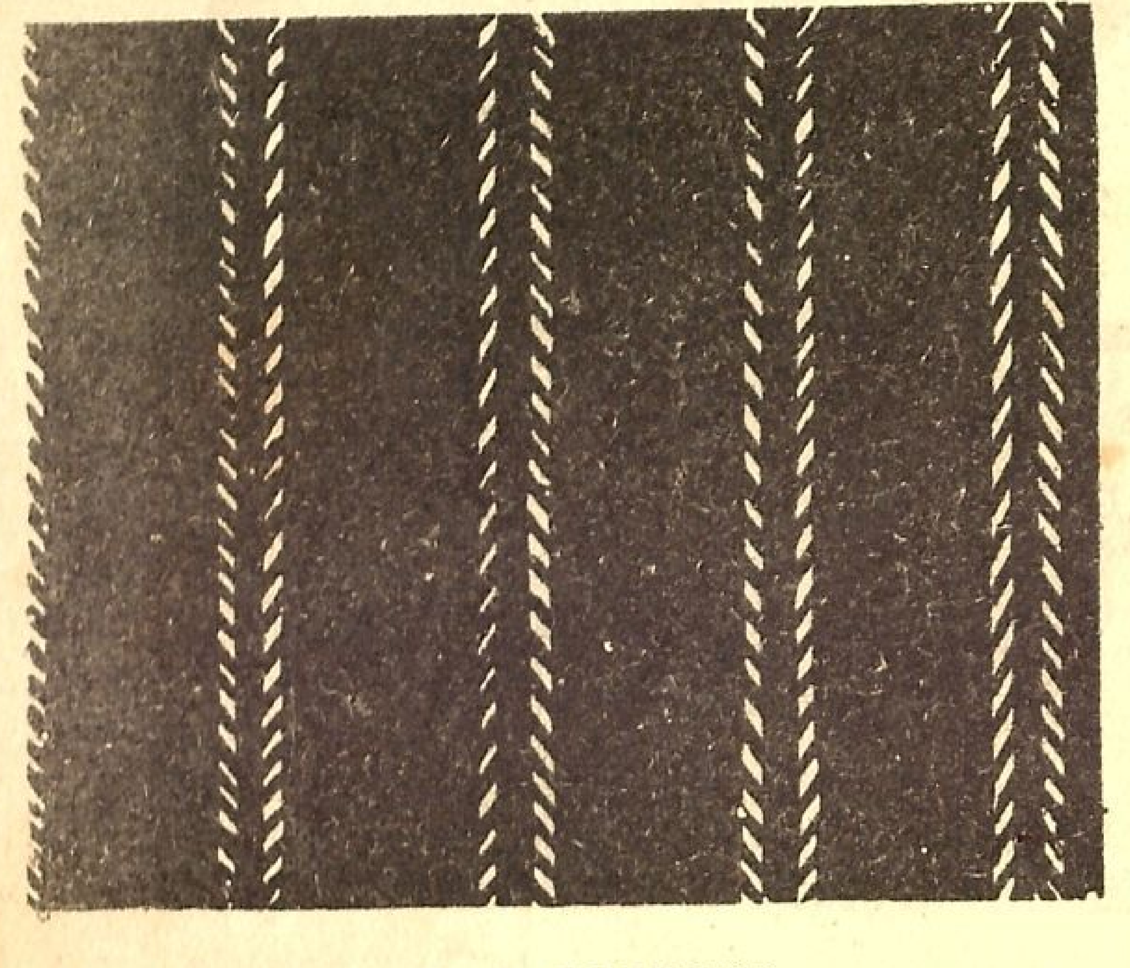
Мануфактурные спецы долго выбирали мануфактуру.

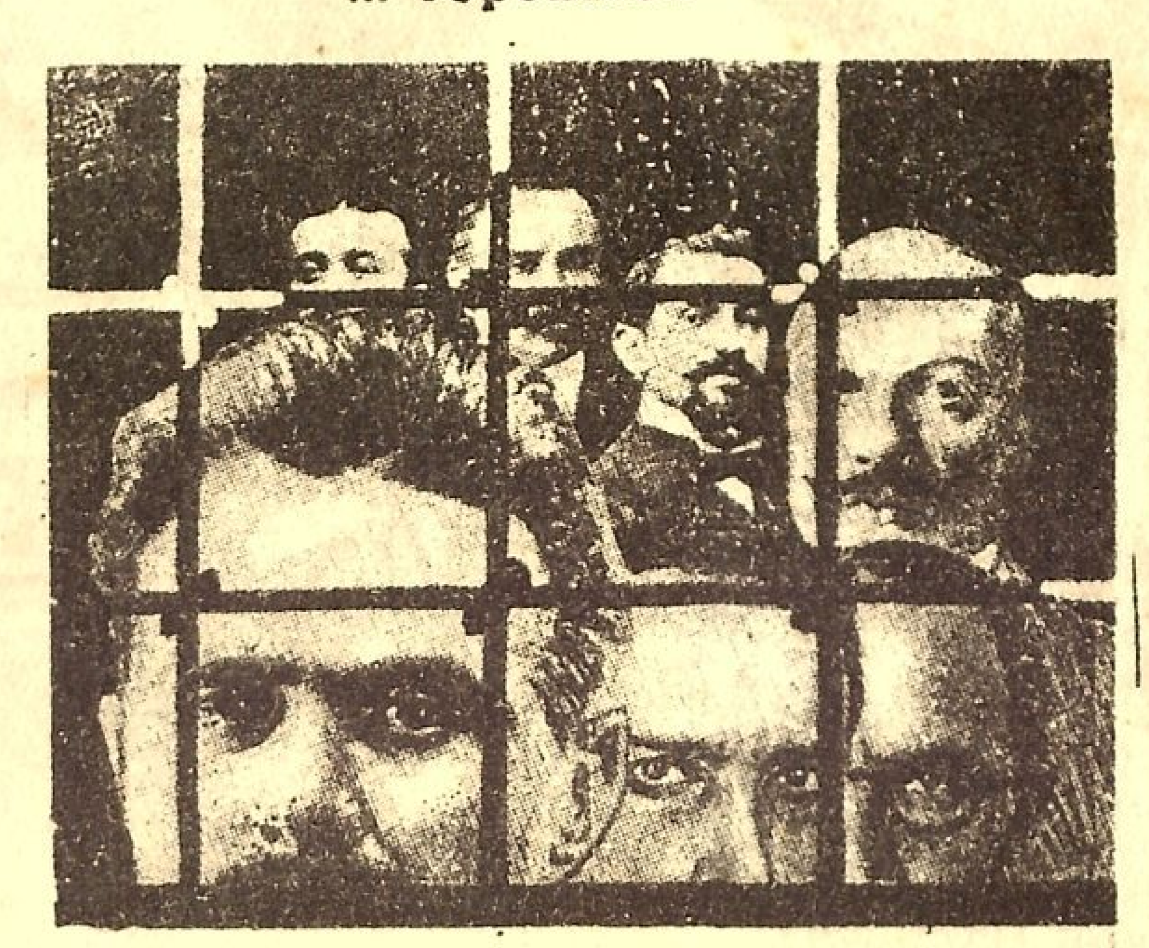
Смотрели материал с цветочками,

... горошком

... и в полоску.

И не догадались, что им больше всего к лицу материал в клеточку.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.

(По письму рабкора т. Конрацкого с заво „Красный Октябрь" (Урал).

Незадавно это было...
Так недель, примерно, с пять,—
Наш заводский врач-мудрило
Вздумал лекцию читать.
Собрались в избе-читалке
Сорок девок, семь ребят,
Рот раскрыли, точно галки,
Чинно сели и молчат.
Начал доктор очень звонко
Говорить в простых словах:

«О ЗАЧАТИИ РЕБЕНКА
у мамаши во нутрях: отчего он происходит, как растет и как живет, как его мамаша родит и, родимши, берегет»...

Как пошли в читалке визги!
Как пошел тут рев и крик!!
Сорок девок, точно брызги,
Из читалки смылись в миг.
— Ах стыдобушки, деваха,
Что за лехция за стыд!!
— Я, мотряй, беле рубахи!
— У меня лицо горит!..
— Как же ето дозволяют
Говорить такое вслух?!
— Нет уж, лучше пусть читают
Стыд бесстыжий про старух!..

Вечер... Бабы и старухи
По заваликам сидят,
Обсуждают вести-слухи,
Вдоль по улице глядят.
— Глянь-ка, Танька-т с лехций, што
Ходит будто с «октябрем»...
— Да и Ксюшка-то к Миколе
Похудает животом...
— Эн и Кошкина Дарюшка
Чтой-то больно чижола...
— Ка-б и Гришкина Танюшка
К Покрову не родила...
Я ж недаром говорила:
— «Это дело—от стыда!»...

... У теорий, как и было,
Контра с практикой всегда...

Евг. Дере

МАРТ 1924 — МАРТ 1926 г.

(К годовщине смерти т. Совзнака).

Разные люди вспомнили об этом по-разному.

I.

Член профсоюза Всемедикосантруд одел очки и сказал несколько слов, коротких и ясных, потому что врачи не рассуждают, а только констатируют:

— В середине февраля 1924 г., — сказал он, — наступил кризис, от которого Совзнак не смог оправиться. К 10 марта температура его достигла неслыханной цифры — 50.000. Предсмертная агония продолжалась больше месяца, но, по существу, это был уже живой труп...

Приятно отметить, что похороны производились при помощи крематория: дензнаки были сожжены по всем правилам современной гигиены.

II.

В кармане у докладчика торчал «Справочник для агитаторов» и обрывки старых газет. Он оглядел собрание и начал:

— Я буду краток, товарищи!.. В своем докладе об итогах денежной реформы я остановлюсь в общем и целом и чтоб получилась увязка.... Как вам известно, товарищи, еще в довоенное время...

Как всегда бывает у хорошего докладчика, через полтора часа он вплотную подошел к своей теме, и, конечно, не он был виноват в том, что собрание целиком и полностью проявило свое пассивное отношение.

— Товарищи, — хрипел он, — таким образом, при данных условиях денежная реформа... Что?.. Товарищ, закройте двери!.. Товарищи, не расходитесь в общем и целом!.. Я буду краток... Куда же вы уходите целиком и полностью?!...

III.

Непризнанный поэт откупорил еще одну бутылку и вдохновенно начал:

— Пью за совзнаки! Незабвенные и безвременно погибшие... Ик!.. Они навевали нам сон золотой... Вы знаете, что такое—миллион? Миллион—это звучит гордо, а мы его бросали за две бутылки пива... Мы были миллионерами, чорт возьми, и никто не видит, не понимает—какой это символ. Ведь это целая поэма — миллионеры в дырявых сапогах!..

Он допил стакан, поглядел на свои ноги и печально добавил:

— Дырявые сапоги и сейчас остались, но миллионы... «Где вы теперь?.. Кто вам целует пальцы?..»

IV.

Когда его в третий раз поймали вместе со всей кассовой наличностью, он уже не мог сослаться на первую судимость и свалил все на Наркомфин:

— Денежная реформа виновата, а не я, граждане!.. Я бы ни за что... До 24-го года пачками миллионы лежали — ни разу не брал... Да и как их — в мешках, что ли, переть или паровоз к кассе прицепить?.. И все равно — проживешь две недели, а там падай вместе с ними... А твердая валюта — сама в карман лезет. Чем валюта тверже, тем кассир мягч становится... Сгубила меня эта реформа

V.

И только этот странный человек, бро дивший по улицам, жалел дензнак искренно и упорно:

— Совзнаки... Ну, и что они худог сделали?.. Ничего, кроме хорошего.. Мы тоже могли себе немножко зарабо тать... А теперь... На одной мануфактур много не покушаешь... Хорошее был время. Ох, не могу, не могу...

Он прислонился к стене, забегал бес покойными глазами по сторонам хрипло зашептал:

— Даю, беру совзнаки... Червонц меняю...

И прохожие отшатнулись от него уходили дальше, потому что всем вспо мнилось нехорошее, забытое слово «Ильинка».

VI.

Перед тем, как нарубить дровишек надо было закурить. И так случайно вышло, что в том же кисете, где лежал кипка, бог знает, как уцелевших сов знаков, был засунут недавно выручен ный в городе пятак.

У него не было времени философство вать. Повертев пятак в пальцах, о только дружески выругался и сказал:

— Вот, растудыт его!.. Небольшое ко лесико, а без него бы вся Совроссия н выехала...

Затем отодрал кусок совзнака, свер нул махорку и со смаком закурил. В хо рошем хозяйстве и веревочка при годится.

Юджен.

Пивная Моссельпрома на одной из столичных улиц была переполнена. Пиликали скрипки. В чаду сновали услужающие. В одном углу два типа в нахлобученных кэпи, с лихо переброшенными за плечи шарфами, вели таинственную беседу. Рекордная батарея пустых бутылок заполняла их столик.

— Что я—вдрызг, Митя, это дело плевое. А ты добейся, почему я вдрызг, Митя? Ты в душу мою загляни! Счастья нет, Митя! Заел он меня, талант мой загубил, житья мне от него нет.

— Тише, Ваня, успокойся. Чорт с ним совсем. Что он тебе? Потерпи, милый. Все терпят. А уж ему когда-нибудь да будет конец.

— Да когда же? Когда?!—Тут Ваня стукнул кулаком так, что бутылки зазвенели колокольным перезвоном. Кое-кто из соседей стал прислушиваться.

— Прошлым летом я его топил? Топил!—рыдал Ваня.—И просто, и с камнем на шее! Убивал я его? Убивал!

— Да успокойся ты.

— Нет! Не могу я, Митя. Я его в три погибели сгибал. Я его...

— Тсс... на нас обращают внимание.

— Пусть обращают! Пусть! Сил моих больше нет. Топил, рубил, душил его и хоть бы что. Каждый день он меня тиранит. Почему, Митя, другим счастье? Почему у других умирают, а у меня нет? Поч-чему? За что?

Вокруг собеседников незаметно образовался почтительный круг. Испуганные официанты, предварительно пошептавшись с заведующим, стали стеной возле кассы. И когда Ваня, поддерживаемый Митей, собирался подняться, у стола приятелей появились два милиционера.

— Ну, рассказывайте,—приступил к допросу старший следователь МУУР'а.—Рекомендую говорить правду. Всю правду. Вам же лучше будет. Кто, когда, где, имена жертв и подробности организации шайки?

Хмель мигом выскочил из головы Вани.

— Ну, что же вы молчите? Отвечайте!

Ваня усиленно заморгал глазами:

— Товарищ следователь. Тут какая-то ошибка. Я художник. Рисую карикатуры в журналах и газетах. В «Дикобразе» рисую, в «Портаче», в «Вечерней Кривде».

— Художник? Да, по тому разнообразию и тонкости, с которой вы мучили ваши жертвы—видно, что вы художник...

— Какие жертвы!.. Я сам жертва! Это я про Чемберлена говорил: его я топил, и рубил, и резал, и душил... в карикатурах. А ему хоть бы что, все на месте сидит. И редактор, что ни день, то бубнит: «Чемберлен, Чемберлен, Чемберлен». Я скоро с ума от него сойду. А ведь есть-то что-нибудь надо!!.

Следователь смущенно отвернулся.

— Можете итти. Я понимаю. Я тоже человек.

Блеф.

ПРО МЕЩАН.

— Должен прямо сказать — борцу за новый быт, при наших мещанских уклонах, по женскому движению работать никак невозможно! А раньше я тоже старался активно действовать. Чуть бывало где доклад или лекция —«Тарасова! Тарасов доклад сделает! . Ну, а я что же? Я для борьбы с предрассудками согласен.

В прошлом году читал я в клубе Нарпита доклад для международных работниц — «Любовь и брак».

Сам на себя дивился, до чего хорошо все раз'яснил. Потому вижу—помочь надо, кругом одно бабье, сами не разберутся, что есть мещанство.

— «Так и так, — говорю, — довольно с нас, дорогие товарищи, религиозного дурману! Для сознательной работницы брак не что иное, как пережиток проклятого старого режима и порабощение слабой женщины для эксплоатации инстинкта. Победивший класс об'являет вместо брачного воспитания борцов за светлое будущее обоего пола»... «Надо считать, что работница не что иное, как пчела, несущая сладкий мед новой жизни. Долой старый быт и да здравствует любовь трудовых пчел!—как говорит товарищ Колонтай».

Какая-то несознательная крикнула:

— Твой Колонтай, небось, бабой не был, так ему легко мед лизать.

Однако многие очень хлопали и поддерживали... После доклада--разговор,--хвалят, согласны; спорят: по всему клубу—«жжж! жжж! жжж!». Прямо, как пчелы в улье. Смотрю, одна пчелка около вьется; приятная такая пчелка — веселенькая.

— Позвольте, — говорю, — вас, товарищ, проводить.

— Ах, что вы! возражает. — Зачем это?

А сама — хлоп под руку! И пошли.

— Это, — говорит, — совсем лишнее, чтобы провожать.

Насилу уговорил!.. Подошли к дому, где живет она, хочу зайти, насчет нового быта поговорить, а она не пускает.

— Поздно, — замечает, — у меня ребята ночью никогда не бывают, я девушка.

Насилу уговорил!

Подруга тоже с нею в комнате жила, проснулась, села, разговариваем. Блузку я ей при разговоре порвал. Смотрю, моя пчелка веселенькая сердиться стала: — «Что ты, товарищ Тарасов, как не стыдно?!».

— Стыд, — отвечаю, — не что иное, как дурман и мещанство.

А она меня в морду. До того мне обидно стало на такой аргумент.

— Что же, — возражаю ядовито, — ты себя после этого сознательной считаешь?...

Насилу уговорил!

Пожили мы с нею этак по половой проблеме месяца три. Все хорошо... Только раз подруга ее—та, что в комнате жила—об'являет с мещанским видом, будто она от меня беременная. Ах, одна беременна, а другая ... то же было.

Говорю:

— Во внимание к происхождению должны тебе сделать бесплатный аборт.

Успокоить хочу... А она про то, что желает ребенка для светлого будущего. Поверите, аж похолодел я — такая несознательность!

— Дети, — убеждаю, — мещанский предрассудок и наследие царизма.

А она не верит. Насилу уговорил!

Как раз в это время все и случилось. Приезжает ко мне из Коломны одна пролетарка и в руках сверток. А в свертке — пищит...

Оказывается — родила. И от чего, брат ты мой, думаешь, родила? От мотоциклетки? Митька Попов в Коломну на мотоциклетке с коляской ездил и меня с собой взял. «Дай,—думаю,—в коляске прокачусь». Прочел я там доклад насчет проблемы, а потом этой самой пролетарке в березовой роще вопрос раз'яснял. Всего три дня и раз'яснял-то. А она деньги на ребенка требует.

Ну, что ты скажешь?!..

— Если, — говорит, — родился у тебя ребенок, так должен ты его любить.

Я туда—сюда. «Любовь — чувство элементарное».

— Ну, что же, — отвечает, — понятно алиментарное. На то ты и отец!

А на суде тоже — отец да отец! Что такое— «отец»? Это понятие условное: Варька Савелова на одну девченку с троих отцов получает; чего ж вы на меня одного накинулись?

Однако не послушали — припаяли с меня по три червя в месяц.

Посудите сами — какой же это новый быт, если все международные работницы начнут детей рожать? На всех по трети не напасешься!

Не нравится мне такое мещанство! И так думаю, пока нового закона не будет, по женскому движению не стану работать.

Ю. Спокойный.

Рис Ю. Ганфа,

КОЛЕТ В БОКУ.

ХУЛИГАНЫ: — Э-эх! Неженка! Чуть у него в боку закололо — уж он и караул кричит! Ин-тел-лигент!

Издательство „Рабочей Газеты" Москва, Охотный, 7. Редактор Н. И. Смирнов.

Главлит 52.857 Типография „Рабочей Газеты", Москва, Сущевский Камер-Коллежский вал, дом 63. Тираж 180.000.

ТОВАРИЩИ-ЧИТАТЕЛИ!

Редакция „Крокодила“, стремясь к улучшению содержания журнала, обращается с просьбой ко всем читателям помочь ей в этом деле. Просим ответить по возможности полно на нижеперечисленные вопросы и прислать ответ по адресу:

Москва, Тверская, 3. — „Крокодилу“.

1. Какой рисунок вам в этом номере больше всего нравится?

2. Почему именно?

3. Какой рисунок в этом номере больше всего не нравится?

4. Почему именно?

5. Какого вы мнения об остальных рисунках?

6. Укажите. какие надписи к рисункам в этом номере непонятны?

7. Какой рассказ, стихотворение, фельетон в этом номере больше всего вам понравился?

8. Почему именно?

9. Какой рассказ, стихотворение, фельетон вам не нравится?

10. Почему именно?

11. Нравится ли вам в этом номере „Вилы в бок“?

12. Если нет, то укажите недостатки

13. Над кем и над чем „Крокодил“ должен смеяться по вашему мнению?

14. Какие недостатки вы находите вообще в „Крокодиле“?

    а) Содержание рисунков

    б) Техники

15. Что вам нравится вообще в „Крокодиле“?

СВЕДЕНИЯ.

1. Пол (мужчина, женщина) (подчеркните)
2. Рабочий, крестьянин, служащий, учащийся (подчеркните)
3. Сколько вам лет
4. Образование: низшее, среднее, высшее (подчеркните)
5. Партийный, беспартийный, комсомолец (подчеркните)
6. Губерния
7. Сколько времени вы читаете „Крокодил“